

A close-up portrait of a middle-aged man with dark, slightly messy hair and thick-rimmed black glasses. He is wearing a blue checkered suit jacket over a light-colored shirt and a patterned tie. He is looking directly at the camera with a serious expression. He is holding a pen in his right hand and writing on a piece of paper. The background shows a bookshelf filled with books and a window with a cross-shaped frame.

Альтер М.

Чистый лист

Альтер М. Чистый лист

<https://litres.ru/74270908>

SelfPub; 2026

Аннотация

Писатель Арсений Ветров, страдающий провалами памяти, нанимает секретаря для записи своих снов. Вскоре выясняется, что его кошмары — не плод воображения, а обрывки реальных преступлений, которые он совершает под воздействием таинственного препарата. Пытаясь восстановить утраченные воспоминания, Арсений обнаруживает, что стал орудием в руках безжалостных кукловодов, превративших его разум в «чистый лист» для чужих сценариев. Психологический триллер о природе памяти, манипуляции сознанием и борьбе за свою личность.

Содержание

Глава 1. Пепел и лакуны	4
Глава 2. Отражение в чёрной воде	41
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Альтер М. Чистый лист

Глава 1. Пепел и лакуны

Запах гари впитался в оконные рамы. Он стоял в комнате уже третью неделю — с того самого утра, когда Арсений проснулся с чугунной головой и обнаружил в камине грудку пепла. Тогда он решил, что сжёт черновики. Обычное дело: писатель в творческом исступлении уничтожает неудачные страницы. Он часто так делал. Во всяком случае, ему казалось, что часто. Проверить было нельзя — память последних полутора лет напоминала изорванную в клочья рукопись, где между уцелевшими абзацами зияли пустоты.

Арсений Ветров сидел в кресле у окна и смотрел на ноябрьский дождь. Капли стекали по стеклу, искажая очертания двора — голые ветки лип, мокрую скамейку, тёмный силуэт чужой припаркованной машины. В доме было тихо. Слишком тихо для человека, который привык, что в голове постоянно звучат голоса персонажей. Теперь голоса умолкли. Остался только шум дождя и мерное тиканье напольных часов — старинного «Густава Беккера», доставшегося от деда.

Он перевёл взгляд на камин. Чугунная решётка была вы-

чищена, но на кирпичной кладке ещё виднелся серый налёт. Там, в глубине топки, среди спекшихся углей, белел крошечный обрывок бумаги — треугольник размером с ноготь большого пальца. Арсений заметил его ещё вчера, но поленился достать. Камин требовал генеральной уборки, а домработницу он уволил месяц назад — не мог выносить чужого присутствия в доме.

Впрочем, чужое присутствие всё равно появится. Сего дня.

Он бросил взгляд на телефон. Десять сорок семь. Секретарь должен прийти в одиннадцать. Арсений нашёл объявление три дня назад: «Мужчина, тридцати лет, высшее филологическое, опыт работы с текстами, готов к ненормированному графику». Фотография отсутствовала, но голос в трубке звучал спокойно и ровно — такой голос бывает у людей, которые привыкли иметь дело с чужими невротами и не удивляются странным требованиям. А требования у Арсения были действительно странные.

Ему нужен был человек, который станет записывать его сны.

Идея пришла два месяца назад, когда лечащий врач в очередной раз развёл руками. «Органических поражений нет, Арсений Дмитриевич. Магнитно-резонансная томография чистая, энцефалограмма в норме, анализы идеальные. Ваша амнезия имеет психогенную природу. Говоря проще — психика защищается. Вы сами заблокировали определённые

воспоминания. Возможно, травматические». Арсений тогда усмехнулся: травма у писателя — это профессиональный риск вроде силикоза у шахтёра. Но легче не становилось. Он просыпался по утрам и не помнил, что делал вчера. Иногда — что делал неделю назад. Иногда провалы были глубже, на месяцы. Он забывал сюжеты собственных книг, имена героев, лица знакомых. Однажды, столкнувшись в супермаркете с женщиной, которая назвала его по имени и спросила о здоровье матери, он пять минут поддерживал светскую беседу, лихорадочно пытаясь вспомнить, кто это. Не вспомнил. Дома нашёл в записной книжке имя однокурсницы, с которой не виделся десять лет — и понял, что память выбросила ещё один кусок жизни.

Тогда-то он и ухватился за сны. Сны — единственное, что оставалось ярким и детальным. Просыпаясь, он помнил каждую подробность: цвет обоев в приснившейся комнате, запах мокрого асфальта, фактуру ткани на рукаве незнакомца. Сны были объёмными, насыщенными, почти осязаемыми. Они пугали своей реалистичностью, но одновременно давали надежду: если подсознание способно создавать такие детальные миры, значит, где-то там, в глубине, хранятся и утраченные воспоминания. Нужно только вытащить их на поверхность. Зафиксировать. Проанализировать.

Первые недели он пытался записывать сам. Клад на тумбочку диктофон и, едва разлепив глаза, наговаривал всё, что помнил. Потом прослушивал записи — и приходил в ужас.

Голос на плёнке был чужим: хриплым, сбивчивым, иногда срывающимся на шёпот. Он рассказывал о вещах, которые сам Арсений не мог вспомнить при свете дня. О подвалах с земляным полом. О чёрной воде, в которой отражаются звёзды. О человеке без лица, стоящем за спиной. Прослушав пятую запись, Арсений стёр все файлы и выбросил диктофон. Пересказывать сны себе самому оказалось невыносимо — не хватало дистанции. Нужен был посредник. Свидетель. Человек, который станет мостом между ночным безумием и дневным рассудком.

Так возникла идея нанять секретаря.

Арсений поднялся с кресла и прошёл на кухню. Машинально поставил чайник, достал чашку — и замер, глядя на дверцу холодильника. Там, прижатый магнитом в виде Эйфелевой башни, висел листок с надписью: «Позвонить Максиму. Секретарь. 11:00». Почерк был его собственный — размашистый, с характерным наклоном влево. Но он совершенно не помнил, как писал эту записку. Впрочем, это уже стало нормой. Он давно привык находить подсказки от самого себя: стикеры на зеркале, заметки в телефоне, напоминания на экране ноутбука. Жизнь превратилась в квест, где главный злодей — твоя собственная память.

Чайник закипел. Арсений заварил зелёный чай, вернулся в кабинет и сел за рабочий стол. Ноутбук был открыт, на экране мерцал пустой текстовый документ. Курсор подмигивал, дразнясь. Чистый лист. Уже полгода он не мог напи-

сать ни строчки. Точнее, не так: он, возможно, писал — но не помнил об этом. В компьютере не сохранилось ни одного нового файла, кроме надиктованных заметок. Бумаги в камине могли быть чем угодно — от неудачного рассказа до списка покупок. Но интуиция подсказывала, что это было что-то важное. Слишком много пепла для списка покупок.

Он сделал глоток чая и поморщился — вода была едва тёплой. Чайник сломался ещё в сентябре, а починить руки не доходили. Как и многое другое. Дом постепенно ветшал вместе с хозяином: в гостиной перегорела люстра, в ванной подтекал кран, на лестнице расшатались перила. Арсений замечал эти мелочи, но не испытывал желания что-то менять. Разрушение казалось естественным процессом — энтропия, которой незачем сопротивляться.

Звонок в дверь раздался ровно в одиннадцать. Пунктуальность гостя неприятно резанула. Арсений терпеть не мог людей, которые приходили минута в минуту, — это напоминало о собственной необязательности. Он неторопливо спустился в прихожую, глянул в дверной глазок. На крыльце стоял человек в тёмно-сером пальто. Лицо было трудно разглядеть из-за рыбьего глаза линзы — только общие черты: светлые волосы, очки в тонкой оправе, высокий лоб. Арсений отпер замок и распахнул дверь.

— Максим, полагаю? Проходите.

— Здравствуйте, Арсений Дмитриевич. Да, это я. Спасибо.

Голос совпал с телефонным — ровный, спокойный, с едва уловимой хрипотцой. Посетитель переступил порог и аккуратно, не дожидаясь приглашения, снял пальто. Под ним оказался тёмно-синий свитер крупной вязки и серые брюки со стрелками. Ни намёка на небрежность. Максим повесил пальто на крючок, поправил очки и посмотрел на Арсения. Взгляд был внимательный, изучающий, но без навязчивости — так смотрят на картину в музее: с интересом, но почти-тельно.

— Чай, кофе? — спросил Арсений, проходя в гостиную.
— Правда, чайник барахлит, могу предложить минералку.
— Благодарю, не стоит. Я перед выходом пил.

Они расположились в кабинете. Арсений сел в своё кресло, жестом указал гостю на диван у книжного шкафа. Максим опустился на краешек, положил на колени потёртый кожаный портфель — из тех, что были модны лет двадцать назад. Писатель отметил эту деталь машинально, привычно коллекционируя наблюдения для будущих персонажей. Портфель был старый, но ухоженный. Пряжка натёрта до блеска. Такие вещи бывают у людей педантичных, склонных к порядку.

— Итак, — начал Арсений, откидываясь на спинку кресла. — Мои требования вы знаете. Мне нужен человек, который станет ежедневно приходить сюда, желательно рано утром — часов в семь-восемь. Я буду рассказывать сны. Вы — записывать. Подробно, дословно, ничего не опуская и не

редактируя. Никакой литературной обработки. Только фиксация.

— Да, вы объяснили по телефону. Я готов.

— Это не всё. — Арсений помедлил, разглядывая собеседника. — Сны я помню не всегда. Иногда просыпаюсь — и в голове пусто. В такие дни мне понадобится... скажем так, помощь. Вы должны будете задавать вопросы. Наводящие, ассоциативные — любые, которые помогут извлечь воспоминание о сне. Если не получится — просто сидите и ждите. Я плачу за время, а не за результат.

Максим кивнул. Ни тени удивления.

— Я понимаю. Могу я задать вопрос?

— Задавайте.

— Почему вы выбрали меня? Моё объявление висело три месяца. Я уже отчаялся найти подходящую работу. У вас, вероятно, было много откликов.

Арсений невольно хмыкнул. Этот парень умел удивлять — вместо того чтобы радоваться удаче, он допрашивал работодателя.

— Откликов было семнадцать. Десять женщин, семь мужчин. Девушки в основном хотели познакомиться — писатель, дом, одиночество, сами понимаете. Мужчины предлагали стандартные услуги: редактирование, корректуру, распечатку. Никто не хотел просто слушать и записывать. А вы, судя по резюме, филолог. Работали в архиве, в библиотеке, в литературном музее. Это означает усидчивость и отсутствие

амбиций. Мне не нужен соавтор. Мне нужен инструмент. Живой диктофон.

Он ожидал, что Максим обидится. Но тот снова лишь кивнул — с тем же невозмутимым выражением лица.

— Я согласен быть инструментом. Могу приступить завтра.

— Подождите. — Арсений поднял руку. — Есть ещё кое-что. Домработницу я уволил. Возможно, мне потребуется помощь по хозяйству. Не уборка, нет. Просто... иногда я забываю очевидные вещи. Выключить плиту. Запереть дверь. Принять лекарство. Мне нужен человек, который проследит. Это не входит в прямые обязанности секретаря, я понимаю. Готов доплачивать.

— Не нужно доплачивать. Я просто буду внимателен.

Арсений прищурился. Что-то в этом Максиме было неправильное. Слишком покладистый. Слишком удобный. Такие люди не встречаются в реальной жизни — только в плохих романах, где автору лень прописывать характер второстепенного персонажа. Но сейчас выбора не было. Другие кандидаты отпали, а ждать больше он не мог. Сны снились каждую ночь, и каждое утро они утекали, как вода сквозь пальцы. Ещё пара недель — и он сойдёт с ума от невозможности удержать эти образы.

— Хорошо. Договорились. Тогда завтра в восемь.

Максим поднялся. Движения у него были плавные, почти бесшумные — он передвигался по комнате, как тень. У две-

ри обернулся:

— Арсений Дмитриевич, разрешите совет?

— Слушаю.

— Купите новый чайник. Зелёный чай, заваренный остывшей водой, портит желудок.

И вышел, аккуратно притворив за собой дверь.

Арсений остался в кресле. Совет нового секретаря позабавил и одновременно царапнул. Откуда он узнал про зелёный чай? Он не заходил на кухню. Чайник не видел. В гостиной не было ни одной чайной принадлежности. Может, угадал? Или унюхал запах? Арсений понюхал свою кружку — пахла она исключительно керамикой и старой заваркой. Никакого специфического аромата.

Он подошёл к окну и посмотрел во двор. Максим как раз выходил из калитки — серая фигура в серых ноябрьских сумерках. Шёл не торопясь, словно прогуливался. У поворота остановился, достал телефон, что-то набрал — и, не оглядываясь, свернул за угол.

Станный человек, подумал Арсений. Но для его целей — идеальный.

Весь оставшийся день он провёл в бесцельной праздности. Попытался читать — роман какого-то модного дебютанта, присланный издателем на отзыв, — но на третьей странице поймал себя на том, что не понимает смысла прочитанного. Слова скользили по поверхности сознания, не проникая внутрь. Он отложил книгу и включил телевизор. По но-

востям показывали сюжет об очередном громком преступлении — в соседнем районе нашли тело мужчины с признаками насильственной смерти. Полиция просила свидетелей обратиться. Арсений выключил звук и стал смотреть на мелькающие картинки: жёлтая лента оцепления, люди в форме, носилки, накрытые чёрным полиэтиленом. Обычный информационный шум, к которому он давно привык.

К вечеру дождь усилился. Ветер швырял капли в окно с такой силой, что стёкла дрожали. Арсений задёрнул шторы, зажёг торшер и сел в кресло. Тишина в доме стала гуще — не та уютная тишина, что бывает перед камином с книгой, а вязкая, тревожная, какая воцаряется в пустых комнатах, когда хозяин остаётся один на один с собственными мыслями. Он попытался вспомнить, чем занимался вчера. Понедельник. Что было в понедельник? Пустота. Среда на прошлой неделе? Тоже ничего. Последнее ясное воспоминание — визит к врачу две недели назад. Всё, что между, подёрнуто серой дымкой.

Он встал, подошёл к книжному шкафу и достал с полки толстую тетрадь в кожаном переплёте. Дневник. Вернее, жалкая попытка вести дневник — начатая месяц назад и заброшенная через три дня. Арсений пролистнул страницы. Запись первая: «Сегодня вспомнил запах маминых духов. Испугался — запах был настолько реальным, что я обернулся. Никого». Запись вторая: «Снился дом у реки. Никогда там не был, но знаю планировку до мелочей. Пять комнат,

винтовая лестница, в подвале — верстак». Запись третья была неразборчива — строчки прыгали, буквы наползали друг на друга. Арсений всмотрелся в каракули и с трудом разобрал несколько слов: «...повторяется каждую ночь... человек в чёрном... я делаю что-то ужасное...»

Он захлопнул тетрадь. Сердце билось часто и неровно. Человек в чёрном? Что за бред? Может, это был фрагмент сна — или обрывок старого рассказа? Он ведь писал триллеры. В его книгах хватало и людей в чёрном, и ужасных поступков. Но зачем записывать это в дневник как реальное переживание?

Арсений заставил себя успокоиться. Он слишком впечатлителен. Нервы расшатаны бессонницей и провалами в памяти. Одинокий дом, дождь, нелепые страхи — всё это легко объяснимо. Завтра придёт секретарь, начнётся нормальная работа со сновидениями, и странные записи перестанут появляться. Постепенно память восстановится. Психика перестанет защищаться. Всё наладится.

Он лёг спать рано — в десятом часу. Выпил снотворное (прописанное врачом, но принимаемое нерегулярно), почистил зубы, глядя в зеркало на своё осунувшееся лицо, и забрался под одеяло. Дом погрузился в темноту. Только в кабинете остался гореть торшер — Арсений всегда оставлял свет в одной комнате, потому что просыпаться в полной тьме было страшно. Просыпаться и не понимать, где ты, кто ты, и что случилось вчера.

Сон пришёл быстро — снотворное подействовало.
Ему снилась комната.

Это была не та комната, в которой он заснул. Чужая спальня: обои в бледно-зелёную полоску, платяной шкаф с зеркальной дверцей, широкая кровать с латунными набалдашниками. На тумбочке — фотография в рамке. Арсений (во сне он был собой, но одновременно кем-то другим — тем, кто знал этот дом) взял фотографию. С неё смотрел мужчина лет пятидесяти, с мясистым лицом и маленькими, глубоко посаженными глазами. Усы щёткой. Арсений знал этого человека. Знал — и ненавидел. Ненависть была холодной, спокойной, как вода в глубоком колодце.

Он положил фотографию и вышел в коридор. Ноги ступали по паркету совершенно бесшумно — ни скрипа, ни шума. В доме пахло воском и старыми вещами. Где-то тикали часы — не те, дедовские, а другие, с мелодичным боем. Арсений спустился по лестнице. Перила были деревянные, гладкие, отполированные сотнями прикосновений. На стенах висели картины — пейзажи, написанные маслом. Он не смотрел на них. Он знал дорогу.

Внизу, в гостиной, горел камин. Перед камином в кресле сидел человек — тот самый мужчина с фотографии. Живой, настоящий, в домашнем халате и тапочках. Он читал газету, не замечая вошедшего. Или делал вид, что не замечает. Арсений подошёл сзади. В правой руке у него что-то было — тяжёлое, металлическое. Предмет возник словно ниоткуда,

как это бывает во сне, когда нужные вещи материализуются сами собой.

Дальнейшее помнилось урывками. Удар — глухой, неприятный звук. Тело, оседающее в кресле. Газета, выпавшая из ослабевших пальцев. Каминная решётка, на которую брызнуло что-то тёмное.

Потом — ванная комната. Яркий свет. Он моет руки. Вода в раковине розовая. Он смотрит в зеркало и видит своё лицо — совершенно спокойное, без тени волнения. Как будто ничего особенного не произошло.

Сон оборвался резко, без перехода.

Арсений открыл глаза. За окном серело ноябрьское утро. Он лежал в своей постели, укрытый одеялом до подбородка, и смотрел в потолок. Сердце колотилось где-то в горле. Ладони были влажными от пота. Во рту — металлический привкус.

Подробности сна стояли перед глазами с фотографической чёткостью. Зелёные обои в полоску. Фотография на тумбочке. Мясистое лицо мужчины. Розовая вода в раковине. И главное — то чувство холодной, спокойной ненависти, которое он испытал, глядя на спящего (или читающего? — во сне тот читал газету) человека. Чувство было настолько реальным, что даже сейчас, проснувшись, Арсений ощущал его отголоски — как горечь на языке.

Он сел на кровати и потянулся за блокнотом, который предусмотрительно оставил на тумбочке. Записал всё —

обои, фотографию, газету, воду. Рука дрожала, буквы выходили неровными. Последней строчкой он вывел: «Я убил человека. Во сне».

Дописав, отложил блокнот и долго сидел, обхватив колени руками. Такие сны снились ему не впервые. Яркие, детальные кошмары с сюжетами о насилии, преследовании, смерти — обычное дело для автора психологических триллеров. Но этот отличался. Он был слишком реальным. Слишком подробным. И чувство ненависти — оно не рассеялось после пробуждения, как обычно. Оно осталось в груди, глухое и тяжёлое, словно проглоченный камень.

В половине восьмого раздался звонок. Арсений вздрогнул, хотя ждал его. Накинул халат и спустился открывать. На пороге стоял Максим — в том же сером пальто, с тем же кожаным портфелем. Сегодня к портфелю добавился термос.

— Доброе утро, Арсений Дмитриевич. Я принёс чай. Зелёный. Правильно заваренный.

— Проходите. — Арсений посторонился, пропуская гостя. — Вы пунктуальны. Это хорошо.

Они снова устроились в кабинете. Максим достал из портфеля толстую тетрадь в чёрной обложке, ручку и диктофон — маленький, серебристый.

— Вы не против записи? — спросил он. — Для точности. Я буду вести параллельную стенограмму, но диктофон — надёжнее. Вдруг я что-то упущу.

— Не против.

Максим включил диктофон, положил его на журнальный столик и приготовился писать.

— Рассказывайте.

Арсений отпил из крышки термоса, который предусмотрительно наполнил секретарь. Чай действительно был превосходный — горячий, терпкий, с цветочным ароматом. Сделав глоток, он начал рассказывать. Старался говорить спокойно, но голос предательски срывался. Описал комнату, мужчину с фотографии, лестницу, гостиную, камин. Рассказал про удар — глухой звук, оседающее тело. Про ванную и розовую воду.

Максим слушал молча, лишь изредка кивая. Ручка скользила по бумаге — быстро, но без суеты. Когда Арсений закончил, секретарь отложил ручку и перечитал написанное.

— Очень подробно, — сказал он. — Необычно подробно для сновидения. Вы уверены, что ничего не домыслили при пробуждении?

— Ничего. Я помню каждую деталь. Даже узор на ручке входной двери — бронзовая накладка в виде дубового листа. Я не мог это придумать. Такие детали не придумываются.

— Согласен. — Максим задумчиво постучал ручкой по блокноту. — Можно вопрос личного характера?

— Спрашивайте.

— Вы принимаете какие-либо препараты? Снотворное, антидепрессанты, транквилизаторы?

— Снотворное. Прописал врач. От бессонницы.

— Я не врач, но побочным эффектом некоторых снотворных препаратов бывают яркие, необычайно реалистичные сновидения. Иногда — кошмары. Возможно, ваш сон связан именно с этим.

— Возможно. — Арсений пожал плечами. — Но я принимаю снотворное не каждый день. И такие сны мне снятся независимо от таблеток.

Они помолчали. Максим закрыл тетрадь и выключил диктофон.

— На сегодня всё? Других снов не было?

— Нет. Только этот.

— Хорошо. Я распечатаю запись, сверю со стенограммой и подготовлю чистовик к завтрашнему дню. Договорились?

— Договорились.

Максим убрал вещи в портфель и поднялся. У двери снова обернулся:

— Арсений Дмитриевич, будьте осторожнее со снотворным. Если сны станут чересчур беспокойными, возможно, стоит на время отказаться от препарата.

— Я подумаю.

Когда входная дверь закрылась, Арсений ещё долго сидел в кресле, допивая чай. Слова Максима о побочных эффектах звучали разумно, но не убеждали. Он принимал снотворное и раньше, когда ещё не было проблем с памятью, и никаких особенных кошмаров не наблюдалось. Обычная бессонница — обычные сны. Дело было в другом. В чём-то более глубо-

ком и тёмном.

Остаток дня он провёл за попытками работать. Открыл ноутбук, создал новый документ и уставился на чистый лист. Буквы не шли. В голове крутились обрывки сна — дубовый лист на дверной ручке, мясистое лицо, розовая вода. Он попытался трансформировать это в сюжет, но натыкался на внутреннее сопротивление. Сон не желал становиться текстом. Он оставался чем-то отдельным, чужеродным — не материалом для творчества, а воспоминанием о пережитом.

Вечером Арсений включил телевизор. Показывали новости. Диктор с хорошо поставленной скорбью в голосе сообщала о череде загадочных смертей в городе. Третье тело за месяц. Все жертвы — мужчины старше пятидесяти, без видимых признаков ограбления. Полиция не исключает серийный характер преступлений. На экране появилась фотография: мясистое лицо, маленькие глаза, усы щёткой.

Арсений замер.

Фотография была та самая. Из сна.

Он не мог ошибиться — слишком хорошо запомнил лицо. Те же глубоко посаженные глаза. Та же щётка усов. Даже выражение лица — самодовольное, чуть брезгливое — совпадало. Сердце забилось быстро-быстро, ладони вспотели. Арсений схватил пульт и прибавил громкость.

«...тело обнаружено сегодня утром в частном доме на окраине города. По предварительным данным, смерть наступила в результате черепно-мозговой травмы. Личность

погибшего установлена — это Георгий Антонович Вельяминов, бывший директор фармацевтической компании, последние годы находившийся на пенсии. Следствие отработывает все версии...»

Дальше Арсений не слушал. Он смотрел на экран и не мог отвести взгляд. Убит. Сегодня утром. В частном доме. Черепно-мозговая травма. Все детали совпадали. Человек, которого он видел во сне, оказался реальным. Более того — он был убит именно так, как приснилось Арсению.

Совпадение? Исключено. Таких совпадений не бывает.

Что же тогда?

Он перебрал в уме все возможные объяснения. Первое: он где-то видел этого человека раньше — на улице, в магазине, по телевизору, — и подсознание вплело знакомое лицо в сюжет сновидения. Но тогда откуда такая точность в деталях — дом, обои, дубовый лист на двери? Он никогда не был в доме Вельяминова. Даже фамилии такой не знал до сегодняшнего вечера.

Второе: он видел новости об убийстве утром, до того как проснулся окончательно. Например, работал телевизор, он сквозь сон услышал репортаж — и мозг встроил информацию в сновидение. Но это невозможно: он проснулся в семь, а тело, судя по репортажу, нашли около одиннадцати. Кроме того, он точно помнил, что засыпал в тишине и телевизор не включал.

Третье объяснение было самым пугающим. Он не хотел

его принимать — оно казалось абсурдным, невозможным, безумным. Но оно лезло в голову, настойчивое и липкое, как осенний туман. Что, если это не сон? Что, если он действительно был в том доме? Что, если убийство совершил он сам, а воспоминание о нём замаскировалось под сновидение?

Арсений вскочил с кресла и заходил по комнате. Нужно успокоиться. Это бред. Это паранойя, вызванная стрессом, недосыпом, таблетками. Он — писатель, а не убийца. Он мухи не обидит, не то что человека. У него нет причин ненавидеть какого-то пенсионера-фармацевта, которого он даже не знает.

Но холодная ненависть из сна — она была настоящей. Он чувствовал её каждой клеткой тела.

Арсений подошёл к книжному шкафу и взял дневник. Пролистнул к последней записи. Слова прыгали перед глазами: «...повторяется каждую ночь... человек в чёрном... я делаю что-то ужасное...» Когда он это писал? Неделью назад? Две? Даты в дневнике не было.

Он сел за стол и попытался рассуждать логически. Допустим, он лунатик. Ходит во сне и совершает неосознанные действия. Это объяснило бы провалы в памяти — мозг блокирует воспоминания о ночных блужданиях, отсюда и амнезия. Но лунатизм не объясняет убийство. Лунатики не убивают людей тяжёлыми предметами — они ходят по дому, переставляют вещи, иногда выходят на улицу. Кроме того, дом Вельяминова находится на другом конце города. Даже во сне

туда не дойти пешком. Нужна машина, нужно знать адрес, нужно иметь мотив.

Ничего из этого у Арсения не было.

Или он просто не помнил?

Он достал из ящика стола ключи от машины. Вышел в гараж. Автомобиль — старенький тёмно-синий седан — стоял на месте. Арсений обошёл его, проверил капот — холодный. Если бы он ездил куда-то ночью, двигатель сохранил бы остаточное тепло. Но это ничего не доказывало — до утра машина могла остыть.

Он открыл водительскую дверь и осмотрел салон. Всё как обычно: забытая в подстаканнике монетка, старый чек на пассажирском сиденье, перчатки в бардачке. Спидометр показывал тот же пробег, что и вчера. Или не тот же? Он не помнил, каким был пробег вчера. Не помнил, ездил ли куда-то в последние дни.

Вернувшись в дом, он первым делом полез в телефон. Открыл историю звонков, сообщения, заметки. Ничего подозрительного. Потом проверил шкаф в прихожей — всю одежду, обувь. Никаких следов крови или грязи. Осмотрел руки — чистые, никаких ссадин или царапин. Это немного успокоило. Если бы он действительно кого-то убил тяжёлым предметом, на одежде и руках остались бы следы.

Но что, если он переоделся? Что, если одежду выбросил?

Он вспомнил камин. Груды пепла. Недели три назад. Может, он сжёг не черновики?

Арсений опустил ся на корточки перед камином и заглянул в топку. Там, среди золы и углей, по-прежнему белел обрывок бумаги. Он протянул руку — и отдёрнул. Почему-то стало страшно. Очень страшно. Так страшно, что зазвенело в ушах и пересохло во рту. Он понял, что не хочет знать, что написано на этом клочке. Точнее, хочет — но боится.

Усилием воли он заставил себя дотянуться до обрывка и вытащить его. Треугольник оказался плотным — хорошая бумага, не газетная, не тетрадная. На одной стороне сохранились буквы. Всего несколько слов, написанных от руки. Почерк был его — торопливый, рваный.

«...тело в подвал. Не забудь...»

Арсений уронил обрывок.

Рука дрожала. В висках стучала кровь. Он поднял бумажку, перечитал — и не поверил глазам. Что за бред? Какое тело? Какой подвал? В его доме вообще нет подвала! Или есть? Он не помнил. Господи, он даже не помнил, есть ли в доме подвал.

Он вскочил и бросился на кухню. Там, в полу, под старым ковриком, должен быть люк — он смутно помнил это с тех пор, как покупал дом три года назад. Кажется, риелтор что-то говорил о погребѐ. Арсений отдёрнул коврик.

Люк был на месте. Квадратная деревянная крышка с металлической ручкой. Он никогда не спускался в подвал — не было нужды. Но сейчас, глядя на почерневшее от времени дерево, он отчётливо понял: спускался. Много раз. Просто

не помнил.

Он взялся за ручку. Потянул.

Крышка подалась неожиданно легко — петли были хорошо смазаны. Из тёмного проёма пахло сыростью и чем-то сладковатым, приторным. Арсений зажёл фонарик на телефоне и посветил вниз. Узкая лестница, земляной пол, кирпичные стены. Спускаться было страшно, но не спуститься он уже не мог. Любопытство и ужас сплелись в тугой узел и тащили его вниз.

Ступени скрипели. Свет фонарика выхватывал из темноты детали: старую банку из-под краски, моток верёвки, сломанный стул. Обычный хлам, какой скапливается в подвалах годами. Он спустился до конца и повёл лучом по сторонам.

В углу стоял верстак.

Точно такой же, как во сне. Тот самый верстак, который приснился ему в доме у реки.

Арсений замер. Фонарик в руке дрожал. Луч метался по стенам, выхватывая всё новые детали: полки с инструментами, старый керосиновый фонарь, моток бельевой верёвки под потолком. И в дальнем углу, там, куда свет почти не доставал, — что-то большое, накрытое брезентом.

Он сделал шаг. Ещё один. Протянул руку к брезенту — и отдёрнул.

Под брезентом лежали коробки. Обычные картонные коробки, перетянутые скотчем. Арсений выдохнул — он ожидал увидеть совсем другое. Но страх не ушёл, лишь спря-

тался глубже. Он вскрыл ближайшую коробку. Внутри были бумаги — папки с документами, старые журналы, какие-то квитанции. Он перебрал их дрожащими руками. Ничего интересного — архивы предыдущего владельца, которого он поленился выбросить.

Следующая коробка содержала книги. Третья — стопку пожелтевших газет десятилетней давности. Арсений облегчённо вздохнул. Хлам. Просто хлам, который он почему-то складировал в подвале, а потом забыл.

Он уже собирался уходить, когда заметил в углу ещё кое-что. Маленький предмет, блеснувший в луче фонарика. Он наклонился и поднял его.

Это была запонка. Мужская запонка из тёмного металла с выгравированным вензелем — переплетённые буквы «Г» и «В».

Георгий Вельяминов.

Арсений не знал, сколько простоял в подвале с запонкой в руке. Минуту? Час? Время перестало существовать. Он смотрел на металлический кружок с вензелем и пытался найти разумное объяснение. Запонка могла попасть в подвал случайно. Например, её обронил предыдущий владелец дома. Или гость, приходивший давным-давно. Или... её принёс он сам. Сегодня ночью. Вместе с одеждой, которую потом сжёг в камине.

Объяснение было безумным, но оно единственное связывало все факты. Сон, в котором он убил человека. Тот же че-

ловек, найденный мёртвым в реальности. Обрывок записки с приказом спрятать тело. Запонка с инициалами жертвы в его подвале.

И главное — те самые провалы в памяти.

Полтора года назад всё началось. Полтора года он просыпался и не помнил, что делал вчера. А что, если вчера он делал нечто такое, что нормальная психика не может принять? Что, если его мозг блокирует не случайные воспоминания, а строго определённые — те, которые связаны с насилием? И сны — не хаотичная работа подсознания, а как раз те самые заблокированные воспоминания, прорывающиеся наружу?

Арсений сунул запонку в карман и выбрался из подвала. Закрыв люк, опустил ковёр. Прошёл в кабинет, рухнул в кресло и долго сидел, глядя в одну точку.

Нужно было что-то делать. Звонить в полицию? Но что он скажет? «Мне приснилось, что я убил человека, а потом я нашёл в подвале запонку с его инициалами»? Его поднимут на смех. Или, того хуже, воспримут всерьёз — и тогда начнётся расследование. А если он действительно убийца? Если он совершил всё это в состоянии лунатизма или диссоциативного расстройства? Тогда ему грозит не тюрьма, а психиатрическая лечебница. Пожизненно.

Может быть, он заслужил лечебницу. Может быть, общество должно быть защищено от него. Но прежде чем сдаваться, он должен узнать правду. Должен понять, что с ним происходит. И единственный способ это сделать — продолжать

записывать сны. Вдруг они расскажут больше? Вдруг в них скрыты подсказки — как та запонка, как та записка?

Он достал из кармана смятый обрывок: «...тело в подвал. Не забудь...» — и запонку с вензелем. Положил их на стол перед собой. Два вещественных доказательства. Два крошечных кусочка пазла, в который никак не складывалась общая картина.

Кто пишет эти записки? Он сам — та, другая, ночная личность, которая берёт верх, когда дневной Арсений засыпает? Или кто-то ещё? Кто-то, кто имеет доступ в его дом, кто знает о его провалах в памяти, кто использует его как орудие?

Максим. Новый секретарь.

Арсений похолодел. Секретарь появился слишком вовремя. Слишком удачно. Он не удивился странным требованиям, не испугался разговоров о снах, спокойно воспринял информацию об амнезии. Он знал про зелёный чай. Он принёс термос. Он задавал правильные вопросы — о снотворном, о препаратах. Слишком правильные.

Что, если Максим — не просто секретарь? Что, если он знает о ночной жизни Арсения? Более того — что, если он как-то с ней связан?

Арсений потёр виски. Голова раскалывалась. Мысли скакали, сталкивались, рассыпались. Нужно было остановиться, иначе паранойя поглотит его целиком. Никаких обвинений без доказательств. Максим — всего лишь наёмный работник. Станный, да, но не обязательно преступник. Сле-

дует быть осторожным, но не подозрительным.

Он убрал запонку и обрывок записки в ящик стола. Запер его на ключ. Затем прошёл в спальню, принял душ — долго стоял под горячей водой, пытаясь смыть липкий страх, — и лёг в постель.

Снотворное принимать не стал. Хотел увидеть сон без химического вмешательства. Хотел понять, что происходит с его мозгом, когда он засыпает естественным путём.

Сон пришёл не сразу. Он долго ворочался, слушая шум дождя и тиканье часов в гостиной. Потом реальность стала расплываться, истончаться, и он провалился в темноту.

На этот раз ему приснилась вода. Чёрная, неподвижная вода, в которой отражались звёзды. Он стоял на мосту — старом, деревянном, без перил. Внизу, у самой поверхности, колыхалось что-то бесформенное. Арсений знал, что это тело. Знал, что сам бросил его туда. Но лица утопленника не видел — только силуэт, медленно уходящий в глубину.

Потом картинка сменилась. Он сидел за столом в незнакомой комнате и писал. Ручка бежала по бумаге быстро-быстро, оставляя за собой ровные строчки. Он писал не роман — что-то другое. Сухой, чёткий текст без единого лишнего слова. Инструкция. Или протокол. Или признание.

Он пытался прочитать написанное, но слова расплывались перед глазами. Только одна фраза проступила отчётливо, словно выжженная калёным железом: «Ты сделаешь это снова».

Арсений проснулся в холодном поту.

За окном брезжил рассвет. Часы показывали без четверти семь. Он сел на кровати и первым делом посмотрел на свои руки. Никаких следов. Потом проверил одежду — халат был на месте, чистый, сухой. Никаких признаков того, что он выходил из дома.

Но на тумбочке лежал исписанный лист бумаги. Он точно помнил, что перед сном убирал блокнот в ящик. И точно помнил, что не доставал его ночью. Однако лист был здесь — и на нём его почерком было написано несколько строк.

Арсений взял лист дрожащими руками и прочитал:

«Максиму не доверяй. Он знает больше, чем говорит. Проверь его прошлое. И ни в коем случае не рассказывай ему про Вельяминова».

Он перечитал записку трижды. Потом смял её и бросил в угол. Сердце колотилось. Кто пишет эти послания? Его подсознание? Или в доме действительно кто-то есть?

Он обошёл все комнаты, проверил замки на окнах и дверях. Всё было заперто изнутри. Никаких следов взлома. Тогда откуда записка? Ответ напрашивался сам собой: он написал её сам. Встал ночью, достал блокнот, нацарапал предупреждение, лёг обратно — и забыл. Лунатизм. Диссоциация. Раздвоение личности. Выбирай любое объяснение — все они пугали одинаково.

Ровно в восемь раздался звонок. Максим стоял на пороге с неизменным термосом и кожаным портфелем.

— Доброе утро. Как спалось?

— Спасибо, хорошо, — солгал Арсений. — Проходите.

Они снова устроились в кабинете. Максим включил диктофон, раскрыл тетрадь и приготовился писать. Арсений смотрел на его спокойное лицо, на тонкую оправу очков, на аккуратно подстриженные ногти — и пытался угадать, что скрывается за этим фасадом. Кто ты, Максим? Случайный человек, которому нужна работа? Или кукловод, дёргающий за ниточки его больного сознания?

— Прошлой ночью мне снилась вода, — начал Арсений, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Чёрная вода. И мост.

Он рассказывал сон — про мост, про тело в воде, про комнату и исписанный лист, — но опустил последнюю часть. Ту, где проступает фраза «Ты сделаешь это снова». И умолчал о записке, найденной на тумбочке. Если Максим действительно замешан в происходящем, чем меньше он знает — тем лучше.

Максим слушал внимательно, записывал. Когда Арсений закончил, он, как и вчера, перечитал стенограмму и задумчиво постучал ручкой по столу.

— Интересный образ, — сказал он. — Вода как символ бессознательного. Тело, погружённое в воду — возможно, воспоминание, которое вы пытаетесь забыть. А фраза «ты сделаешь это снова» может указывать на цикличность вашего состояния.

— Вы разбираетесь в психоанализе?

— Немного. Читал кое-что. В архиве было много старой литературы, в том числе по психологии. — Максим убрал тетрадь в портфель. — Кстати, Арсений Дмитриевич, вы не просили меня об этом, но я взял на себя смелость подготовить распечатку вчерашнего сна. Как вы просили — дословно, без литературной обработки.

Он достал из портфеля лист бумаги и протянул Арсению. Тот взял его. Текст был напечатан на принтере — аккуратно, с соблюдением всех абзацев. Он пробежал глазами по строкам. Вчерашний сон. Дом Вельяминова. Удар. Розовая вода.

— Я бы хотел, чтобы вы подписали распечатку, — сказал Максим. — Подтвердили, что запись соответствует вашему рассказу.

— Зачем?

— Для архива. Чтобы избежать разночтений в будущем. Работа с памятью — дело тонкое. Сегодня вы помните сон так, завтра — иначе. Письменная фиксация поможет отслеживать изменения.

Арсений кивнул, взял ручку и поставил подпись внизу листа. Максим убрал распечатку обратно в портфель.

— Ещё один вопрос, Арсений Дмитриевич. Вы не смотрели вчерашние новости?

Внутри у Арсения всё оборвалось. Он постарался сохранить невозмутимое выражение лица.

— Новости? Нет. А что?

— Говорят, в городе нашли ещё одно тело. Третье за ме-

сая. Полиция подозревает серийного убийцу.

— Я не смотрю новости. Слишком депрессивно.

— Понимаю. — Максим кивнул и, казалось, потерял интерес к теме. — Тогда до завтра?

— До завтра.

Когда секретарь ушёл, Арсений ещё долго сидел в кресле. Он думал о том, что Максим спросил про новости — и этот вопрос не был случайным. Что-то в тоне, в паузе перед вопросом, в слишком пристальном взгляде. Он проверял его. Выяснял, знает ли Арсений про Вельяминова.

И самое скверное — он не мог понять, зачем.

Весь следующий день Арсений пытался работать. Снова открыл ноутбук, снова уставился на чистый лист. Но теперь пустой экран вызывал не тоску, а злость. Злость на самого себя, на свою беспомощность, на болезненное сознание, которое играло с ним злые шутки. Он должен был писать — это единственное, что он умел по-настоящему. Но слова не шли. Место слов заняли образы из снов: верстак в подвале, чёрная вода, мясистое лицо Вельяминова.

К вечеру он принял решение. Нужно проверить прошлое Максима. Как советовала записка (пусть даже написанная им самим в состоянии лунатизма). Доверять секретарю нельзя — по крайней мере, до тех пор, пока не станет ясно, кто он на самом деле.

Но как проверить? Фамилии его Арсений не знал. Только имя — Максим. И номер телефона с объявления. Этого ма-

ло. Можно попытаться найти объявление в интернете, но оно наверняка уже удалено. Можно расспросить соседей — не видели ли они подозрительного человека возле дома. Можно нанять частного детектива. Но все эти варианты требовали времени, которого у Арсения не было. Следующая ночь могла принести новый сон — и, возможно, новое убийство.

Он вспомнил про фотографию Вельяминова, которую показывали в новостях. Надо узнать об этом человеке больше. Кто он? Почему его убили? И главное — есть ли какая-то связь между ним и Арсением?

Он включил ноутбук и открыл поисковик. Ввёл имя: «Георгий Антонович Вельяминов». Результаты посыпались один за другим. Бывший директор фармацевтической компании «Витафарм». Вышел на пенсию пять лет назад. Жил в собственном доме на окраине города. Женат, двое взрослых детей, живут за границей. В новостях писали, что убийство произошло в ночь на вторник — как раз тогда, когда Арсений видел сон.

Он продолжил искать. Статьи о компании «Витафарм». Интервью с Вельяминовым. Финансовые отчёты. Ничего, что связывало бы его с писателем Арсением Ветровым. Они вращались в разных кругах, жили в разных мирах. У них не могло быть общих знакомых или общих интересов. Если только...

Арсений замер. Пальцы застыли над клавиатурой. Если только связующим звеном не был Максим.

Он снова ввёл в поиск: «Максим Витафарм». Ничего. «Максим Вельяминов». Пусто. «Максим секретарь архив». Слишком общий запрос. Он перепробовал десятки вариантов — безрезультатно. Без фамилии найти человека в сети было невозможно.

Тогда он пошёл другим путём. Вспомнил, что Максим упоминал о работе в литературном музее. Поискал музей в городе — такой был один. Зашёл на сайт, открыл раздел «Сотрудники». Список из десяти фамилий. Две из них — мужские. Обе не подходили: один — пожилой профессор, второй — молодой человек по имени Илья, судя по фотографии — рыжий и веснушчатый. Максима среди сотрудников не было.

Он работал в архиве. Каком? Городской архив? Архив при музее? Частный архив? Слишком много вариантов.

Арсений откинулся на спинку кресла и потёр глаза. Он чувствовал себя детективом из плохого романа — беспомощным, неуклюжим, хватающимся за любую соломинку. Расследование требовало системного подхода, но его мозг, искалеченный амнезией, не справлялся с этой задачей. Мысли путались. Он забывал, что искал минуту назад, и начинал заново.

Нужен был помощник. Кто-то, кому можно доверять. Но кому? Жена? Он был женат, но Вера ушла полтора года назад — как раз когда начались провалы в памяти. «Я больше не могу, Арсений. Ты стал чужим человеком. Ты смотришь на меня и не узнаёшь. Вчера ты спросил, как меня зовут.

Спросил серьёзно, не в шутку. Я так не могу». Она собрала вещи и уехала к матери в другой город. Иногда звонила — раз в месяц, не чаще, — но разговоры были натянутыми, как струна, готовая лопнуть. Он не винил её. Жить с человеком, который каждое утро просыпается с чистым листом вместо памяти, — испытание не для каждого.

Друзья? Они исчезли ещё раньше. Писательская среда не терпит слабости. Как только поползли слухи, что Ветров «исписался», приглашения на литературные вечера прекратились. Издатель пока ждал — но Арсений знал, что терпение его не безгранично.

Оставался один вариант. Единственный человек, который был в курсе его проблем и при этом сохранял профессиональную дистанцию. Лечащий врач. Арсений потянулся к телефону и набрал номер клиники.

— Доктор Разумовский слушает.

— Виктор Павлович, это Ветров. Мне нужно с вами встретиться. Срочно.

— Что-то случилось?

— Мне нужна информация об одном человеке. Точнее, я не знаю его фамилии. Но вы могли бы помочь.

В трубке повисла пауза.

— Арсений Дмитриевич, я психиатр, а не частный сыщик. Но если вы чувствуете, что вам нужна помощь — приезжайте. Завтра, в двенадцать. Я найду окно в расписании.

— Спасибо. Буду.

Он положил трубку. На душе немного полегчало — по крайней мере, он сделал хоть что-то. Не просто сидел и ждал следующего кошмара, а предпринял действие.

Остаток вечера Арсений посвятил разбору бумаг в кабинете. Он искал хоть что-нибудь, что пролило бы свет на происходящее. Старые дневники, черновики, письма. Если его ночная личность оставляет записки — может быть, она оставила и другие следы?

За шкафом он нашёл коробку с неразобранными документами. Счета, квитанции, гарантийные талоны. Всё вперемешку. Он перебирал бумаги, уже теряя надежду, когда наткнулся на конверт без марки и адреса. Внутри лежала фотография.

На снимке был он сам — Арсений Ветров. Моложе лет на десять. Рядом стоял мужчина, чьё лицо показалось смутно знакомым. Высокий, темноволосый, с резкими чертами лица и холодным, пронизывающим взглядом. Они оба улыбались в объектив, но улыбка темноволосого была неестественной — словно приклеенной.

Арсений перевернул фотографию. На обороте тем же почерком, что и записка в подвале, было написано: «Я и А. Двадцать первое июня. За день до...» Дальше обрыв.

Он взгляделся в лицо незнакомца. Что-то в нём было — какая-то неправильность, асимметрия, делавшая черты тревожными. Он не помнил этого человека. Совершенно не помнил. Но судя по фотографии, когда-то они были близки.

Достаточно близки, чтобы вместе фотографироваться и хранить снимок.

Кто ты? Друг? Враг? Сообщник?

Вопросы множились, ответов не было. Арсений отложил фотографию и закрыл глаза. Усталость навалилась свинцовой тяжестью. Он не спал нормально уже несколько суток — если не считать тех часов, что проводил в кошмарах. Тело требовало отдыха, но разум боялся засыпать.

Он всё-таки задремал в кресле. И снова увидел сон.

На этот раз он был в лесу. Ночь. Где-то вдалеке лаяли собаки. Он бежал — ветки хлестали по лицу, ноги увязали в мокрой листве. В правой руке он сжимал что-то маленькое и холодное. Металлическое. Он знал, что это нож, но не мог разжать пальцы. Позади слышались шаги — кто-то преследовал его, неотвратимо, неумолимо. Он пытался кричать, но голос пропал.

Потом картинка изменилась. Он стоял на кухне своего дома. За окном было темно. На столе горела свеча. Перед ним лежал лист бумаги, и он что-то писал — быстро, лихорадочно, словно боялся не успеть. Он знал, что пишет важное. То, что дневная личность должна узнать. Но одновременно понимал: проснувшись, он ничего не вспомнит. И тогда он придумал трюк — оставил лист на видном месте. На кухонном столе, рядом с чайником.

Он заставил себя проснуться. Заставил — буквально вытолкнул себя из сна.

В кабинете было темно. Часы показывали половину четвёртого утра. Арсений вскочил с кресла и бросился на кухню. Включил свет.

На столе, рядом с чайником, лежал лист бумаги. Он схватил его. Почерк был его — размашистый, торопливый, с наклоном влево. Но содержание...

«Арсений! Ты должен знать правду. Ты не убийца. Ты — орудие. Кто-то использует тебя. Кто-то знает о твоих провалах и управляет тобой, пока ты спишь. Ты выполняешь инструкции, которые тебе оставляют. Ты думаешь, что это сны, но это реальность. Ты едешь по адресам, ты делаешь то, что написано в инструкции, а потом возвращаешься и забываешь. Я не могу остановить это. Я — это ты, но я слабее. Я могу только оставлять подсказки. Найди инструкцию. Она где-то в доме. И пожалуйста — не доверяй Максиму. Он не тот, за кого себя выдает. Он знает. Он всё знает».

Арсений читал и перечитывал письмо, и внутри у него всё холодело. Он сам написал это. Какая-то его часть — возможно, та, что ещё не полностью поработана ночной личностью, — пыталась до него достучаться.

Инструкция. Значит, была инструкция. И кто-то оставлял её для него. Кто-то знал о его провалах в памяти, о его лунатизме и использовал это. Превратил его в живую марионетку.

Он вспомнил обрывок, найденный в камине: «...тело в подвал. Не забудь...» Это и была инструкция. Или её часть.

А он сжёг её. Сжёг, пытаясь уничтожить улики — или повинаясь чьему-то приказу.

Теперь всё вставало на свои места. Провалы в памяти. Сны, которые были не снами, а воспоминаниями. Чужие вещи в доме — запонка Вельяминова. Записки от самого себя. И Максим — загадочный секретарь, появившийся в тот самый момент, когда Арсений решил разобраться в своих сновидениях.

Максим был ключом. Арсений чувствовал это нутром. Но как его разоблачить? Как узнать правду?

Он сидел на кухне до рассвета, сжимая в руке послание от самого себя. Когда за окном посветлело, он аккуратно сложил лист и спрятал его в книгу — туда, где Максим не стал бы искать. Потом умылся, переоделся и стал ждать.

Ровно в восемь раздался звонок.

Максим стоял на пороге. Термос. Портфель. Вежливая полуулыбка.

— Доброе утро, Арсений Дмитриевич. Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно, — сказал Арсений, впуская его. — Просто прекрасно.

И впервые за много дней улыбнулся — потому что теперь у него была цель. Теперь он знал, что делать. Он выяснит, кто такой Максим. Найдёт инструкцию. И положит конец этому кошмару. Даже если для этого придётся заново научиться отличать сон от яви.

Глава 2. Отражение в чёрной воде

Утро начиналось с ритуала. Максим приходил ровно в восемь, ставил на журнальный столик термос, извлекал из портфеля неизменную тетрадь в чёрной обложке и серебристый диктофон. Арсений садился в кресло, отпивал глоток правильно заваренного зелёного чая и начинал рассказывать сны. Вернее — то, что он принимал за сны. Теперь, после ночного откровения, после письма от самого себя, каждая деталь ночных видений обретала зловещую двойственность. Где заканчивался сон и начиналась явь? Где проходила граница между кошмаром и воспоминанием? Он больше не знал. И это незнание было мучительнее любой, самой страшной правды.

В то утро он решил играть роль. Ту самую роль, которую, сам того не ведая, исполнял последние полтора года: роль рассеянного писателя, погружённого в мир фантазий и не замечающего ничего вокруг. Он рассказывал сон — очередной сон, приснившийся после обнаружения письма, — тщательно подбирая слова и наблюдая за реакцией секретаря.

— Мне снилась библиотека, — говорил Арсений, глядя не на Максима, а в окно, на голые ветки лип. — Огромный зал с дубовыми стеллажами до потолка. Тысячи книг. Я шёл вдоль полок, проводил пальцами по корешкам, и каждая книга была на одно лицо — чёрный переплёт, никаких на-

званий. Я брал одну, открывал — страницы пустые. Вторую — то же самое. Третью, пятую, двадцатую — везде чистые листы. Только одна книга, в самом конце зала, на нижней полке, была с текстом. Я открыл её и прочитал единственную фразу: «Ты уже проиграл». А потом проснулся.

Максим записывал, не поднимая глаз. Ручка порхала по бумаге с идеальной равномерностью — ни одного лишнего движения, ни одной заминки. Когда Арсений замолчал, секретарь дописал последнее слово и поднял голову. Взгляд его, как всегда, был спокоен, но Арсению почудилось в нём что-то новое — какая-то тень интереса, промелькнувшая и тут же исчезнувшая.

— Любопытный образ, — произнёс Максим. — Библиотека как метафора вашей памяти. Пустые книги — утраченные воспоминания. А единственная заполненная — возможно, ключевое, которое вы пытаетесь забыть. Фраза «ты уже проиграл» звучит как приговор. Вы не думали, что ваше подсознание пытается вам что-то сообщить?

— Именно поэтому вы здесь, — сухо ответил Арсений. — Чтобы помочь мне разобраться.

— Разумеется. — Максим закрыл тетрадь и выключил диктофон. — Я подготовлю распечатку к завтрашнему дню. Кстати, вы помните наш вчерашний разговор? О новостях?

Сердце Арсения пропустило удар. Он заставил себя сохранить невозмутимость.

— О новостях? Ах да. Вы говорили о каком-то убийстве.

Я не интересуюсь криминальной хроникой.

— И зря. — Максим убрал портфель на колени, но не спешил подниматься. — Иногда криминальная хроника бывает весьма... познавательной. Особенно для писателя. Она даёт материал. Пищу для размышлений.

— Я пишу психологические триллеры, а не полицейские отчёты. Мне интересны мотивы, а не методы.

— Однако методы часто раскрывают мотивы. — Голос Максима оставался ровным, почти ласковым. — Взять, к примеру, последнее убийство. Некто Вельяминов. Бывший директор фармацевтической компании. Убит в собственном доме ударом по голове. Никаких следов взлома. Никаких украденных вещей. Как будто убийца пришёл именно за ним. Пришёл, сделал своё дело и ушёл. Что это говорит о мотиве?

— Понятия не имею, — ответил Арсений, чувствуя, как леденеют кончики пальцев.

— Мсть. Или устранение. Или ритуал. — Максим пожал плечами. — В любом случае, это был человек, который хорошо знал дом. И которого жертва, вероятно, знала. Иначе зачем открывать дверь ночью?

Арсений молчал. В горле пересохло. Он потянулся к термосу и сделал глоток, стараясь, чтобы рука не дрожала.

— Откуда такие подробности? — спросил он, отставляя крышку-чашку. — Вы интересуетесь этим делом профессионально?

— Я интересуюсь всем, что связано с памятью. — Максим поднялся и взял портфель. — Убийство — это предельная форма забвения. Человека стирают. Вычёркивают из жизни, как неосторожно написанное слово. Но остаются следы. Улики. Воспоминания свидетелей. Прошрое всегда оставляет следы, Арсений Дмитриевич. Даже самое тёмное прошлое.

Он направился к двери, но на пороге обернулся:

— Да, чуть не забыл. Я нашёл кое-что в вашем подвале.

Арсений вздрогнул. Подвал. Он же закрыл люк. Опустил ковёр. Сделал всё, чтобы никто не догадался.

— Что вы делали в моём подвале?

— Вы просили помочь по хозяйству. В прошлый раз упомянули, что подтекает труба в ванной, а на лестнице расшатались перила. Я решил осмотреть дом — с вашего позволения. — Максим говорил спокойно, без тени смущения. — Люк на кухне был открыт. Я заглянул. Там сырость. И ещё...

Он сунул руку в карман и достал маленький предмет. Арсений узнал его сразу — блеснувший в неяром свете утра металлический кружок.

— Запонка, — сказал Максим. — С инициалами «Г. В.». Вы не знаете, чья она?

— Понятия не имею. Дом куплен три года назад. Возможно, вещь предыдущего владельца.

— Возможно. — Максим положил запонку на журнальный столик — ту самую запонку, которую Арсений ещё вче-

ра запер в ящике стола. — Но согласитесь, любопытное совпадение. Инициалы «Г. В.» — и убитый Георгий Вельяминов. Наверное, стоит отдать её полиции. Вдруг это улика?

— Вы правы. — Голос Арсения прозвучал глухо. — Я сам этим займусь.

Максим кивнул и вышел. Дверь закрылась с тихим щелчком.

Арсений остался стоять посреди гостиной, глядя на запонку. Она лежала на стеклянной столешнице, поблёскивая в утреннем свете. Вензель — переплетённые «Г» и «В» — насмешливо подмигивал ему.

Только теперь до него дошло. Максим сказал: «Я нашёл кое-что в вашем подвале». Но запонку Арсений вчера лично убрал в запертый ящик письменного стола. Он точно это помнил. Ключ от ящика был при нём, в кармане халата. Секретарь не мог найти запонку в подвале — потому что её там не было.

Зачем же он соврал? Чтобы проверить реакцию? Чтобы показать, что знает больше, чем говорит?

Арсений бросился в кабинет. Ящик стола был заперт. Ключ — на месте, в кармане. Он открыл замок. Запонка исчезла. Вместо неё на дне ящика лежал аккуратно сложенный листок бумаги. Почерк был его собственный.

«Он был здесь ночью. Обыскал стол. Я успел спрятать запонку в подвале, но теперь он знает. Он следит за каждым твоим шагом. Не ходи к врачу — он уже ждёт тебя там. Из-

мени планы. Сделай что-нибудь неожиданное. Только так ты собьёшь его со следа».

Арсений опустил­ся в кресло. Голова шла кругом. Значит, Максим действительно проник в дом ночью. Обыскал стол. Нашёл за­понку — или, наоборот, не нашёл, потому что ночная личность перепрятала её. А теперь он демонстрирует свою осведомлённость. Играет. Как кошка с мышью.

Но зачем? Чего он добивается?

И главное — предупреждение насчёт врача. Доктор Разумовский. Визит назначен на сегодня, на двенадцать. Выходит, Максим знает и об этом? Или ночная личность Арсения успела выяснить что-то важное про психиатра?

Он взглянул на часы. Половина десятого. До встречи с врачом два с половиной часа. Если верить записке — идти нельзя. Но если не пойти, он потеряет единственную возможность получить профессиональную помощь.

А что, если ночная личность ошибается? Что, если это паранойя — такая же, как в случае с Максимом? Что, если он сам, в состоянии диссоциации, пишет эти записки, руководствуясь бредовыми идеями?

Но как тогда объяснить исчезновение за­понки? И появление её в руках Максима?

Арсений чувствовал, что запутывается всё сильнее. Реальность расслаивалась, как слюда, и каждый новый слой противоречил предыдущему. Единственное, что он мог сделать, — это продолжать действовать. Не сидеть сложа руки.

Принимать решения.

Он решил пойти к врачу. Но не так, как планировал. Не пешком через парк, а на такси, кружным путём. И прийти не к двенадцати, а на час раньше — чтобы успеть осмотреться, проверить обстановку.

Достал телефон и вызвал машину.

Такси пришло через пятнадцать минут. Всё это время Арсений стоял у окна, вглядываясь в серую морось ноябрьского дождя. Максим ушёл. Но мог остаться кто-то ещё — сообщник, наблюдатель. Двор был пуст. Только мокрая скамейка, голые липы и чужая припаркованная машина — та самая, которую он заметил ещё несколько дней назад. Тёмно-синий седан. Стекла тонированы. Номеров не разглядеть за каплями дождя.

Арсений вышел из дома, сел в такси и назвал адрес, расположенный в противоположной стороне от клиники. Машина тронулась. Он обернулся — синий седан остался на месте. Никто не последовал за ними.

Они петляли по городу минут сорок. Арсений попросил водителя несколько раз сменить маршрут, делая вид, что сверяется с заметками в телефоне. Наконец, убедившись, что слежки нет, он назвал настоящий адрес.

Клиника доктора Разумовского располагалась в старом районе, в двухэтажном особняке девятнадцатого века. Раньше здесь была усадьба какого-то купца, потом — коммунальные квартиры, а в начале двухтысячных здание выкупили

и переоборудовали под частный медицинский центр. Фасад сохранил остатки былого величия — лепнину, высокие окна с арками, массивную дубовую дверь. Внутри, впрочем, всё было современно: пластиковые карты пропусков, турникет, стойка регистратуры с девушкой в униформе.

Арсений пришёл без четверти одиннадцать. Девушка за стойкой улыбнулась дежурной улыбкой:

— Вы к кому?

— К Разумовскому. Моя фамилия Ветров. Я записан на двенадцать, но пришёл раньше. Если доктор свободен, может быть, он примет меня сейчас?

— Сейчас узнаю.

Она нажала кнопку селектора. Через минуту из коридора вышел сам Разумовский — высокий, сутулый, в белом халате поверх твидового пиджака. Ему было лет шестьдесят, но выглядел он старше из-за глубоких залысин и мешков под глазами. Впрочем, взгляд у доктора оставался острым, изучающим.

— Арсений Дмитриевич! Рад видеть. Проходите, я как раз освободился.

Они прошли в кабинет. Здесь пахло старыми книгами и почему-то ванилью. Вдоль стен стояли шкафы со стеклянными дверцами — толстые тома по психиатрии, неврологии, психоанализу. На столе — бронзовая лампа с зелёным абажуром, стопка папок, письменный прибор. В углу — кушетка, обтянутая коричневой кожей.

— Садитесь. — Разумовский указал на кресло напротив стола. — Кофе? Чай?

— Нет, спасибо. Я ненадолго.

— Тем не менее. — Доктор опустился в своё кресло, откинулся на спинку и внимательно посмотрел на пациента. — Вы позвонили вчера в весьма взволнованном состоянии. Сказали, что вам нужна информация о каком-то человеке. Не фамилии, не имени — только информация. Что случилось?

Арсений помедлил. Рассказывать всё было опасно, но не рассказывать — глупо. Он пришёл за помощью. Нужно было довериться — хотя бы частично.

— Я нанял секретаря, — начал он. — Мужчина по имени Максим. Лет тридцати. Филолог. Работал в архивах, библиотеках, литературном музее. Он помогает мне записывать сны.

— Да, вы упоминали эту идею в прошлый раз. Сны как ключ к заблокированным воспоминаниям. Любопытный подход. И что же?

— Он кажется мне подозрительным. Слишком много знает. Слишком правильно себя ведёт. А сегодня... — Арсений замялся. — Сегодня я обнаружил, что ночью кто-то побывал в моём доме. Обыскал стол. Ничего не пропало, но сам факт...

— Вы думаете на секретаря?

— У него есть ключи. Я дал ему ключи, чтобы он мог при-

ходить по утрам, не дожидаясь, пока я проснусь. Да, я думаю на него.

Разумовский снял очки, протёр стёкла замшевой тряпочкой и снова водрузил их на нос.

— Арсений Дмитриевич, я задам вам один вопрос. Только прошу ответить честно, без утайки. Сколько дней подряд вы принимаете снотворное?

— Снотворное? — Арсений нахмурился. — Но я же говорил — я принимаю его нерегулярно. Только когда не могу уснуть.

— А в последнюю неделю?

Он попытался вспомнить. Понедельник — принял. Вторник — да, потому что после сна с Вельяминовым боялся засыпать без таблеток. Среда — наверное, тоже. Четверг — кажется, нет. Или да?

— Не помню, — признался он. — Я правда не помню.

— Вот видите. — Разумовский вздохнул. — Препарат, который я вам прописал, при передозировке или слишком частом применении может вызывать параноидные состояния. Навязчивые идеи преследования, недоверие к окружающим, ощущение, что кто-то следит за вами или роется в ваших вещах. Звучит знакомо?

— Доктор, это не паранойя. Запонка действительно исчезла из запертого ящика. И секретарь действительно сказал, что нашёл её в подвале — хотя я точно знаю, что в подвале её не было.

— Вы точно знаете? Или вам кажется, что знаете? — Разумовский подался вперёд. — Поймите меня правильно. Я не говорю, что вы сумасшедший. Я говорю, что ваша память ненадёжна. Вы сами рассказывали мне о провалах, о забытых днях и неделях, о том, что находите записки, написанные собственной рукой, но не помните, как их писали. В таком состоянии любые ваши выводы могут оказаться ошибочными. Вы могли сами переложить запонку — и забыть. Вы могли сами написать записку, которую сейчас считаете доказательством вины Максима. Вы могли...

— Хватит. — Арсений встал. — Я понимаю, что вы пытаетесь меня успокоить. Но вы не понимаете главного. Дело не только в запонке и не только в Максиме. Дело во снах. Они... они не просто сны.

Он снова сел. Помолчал, собираясь с мыслями.

— Три дня назад мне приснилось, что я убил человека. Ударил по голове тяжёлым предметом. Во сне я видел его лицо — очень подробно, как на фотографии. На следующий день в новостях показали этого человека. Он был убит. Именно так, как в моём сне. И именно той ночью, когда мне это снилось.

Разумовский молчал. Его лицо оставалось бесстрастным, но пальцы, сжимавшие дужку очков, слегка побелели.

— Вы понимаете, что говорите? — спросил он наконец. — Вы обвиняете себя в убийстве?

— Я никого не обвиняю. Я пытаюсь понять, что со мной

происходит. Если это совпадение — то слишком невероятное. Если это сон-предвидение — то я должен был предупредить полицию. А если это... если это воспоминание... то я опасен.

Доктор отложил очки и потёр переносицу.

— Есть ещё одно объяснение, — сказал он тихо. — Вы могли узнать об убийстве до того, как оно произошло. Или даже присутствовать при нём. Но не в качестве убийцы, а в качестве свидетеля. Или сообщника. Или человека, которому показали запись. Вариантов много. Психика, защищаясь, трансформировала это воспоминание в сон.

— Но откуда я мог узнать?

— Вот это и нужно выяснить. — Разумовский открыл ящик стола и достал тонкую папку. — Я подготовил кое-что для вас. После вашего звонка я поднял старые записи. Историю вашей болезни. И кое-что меня насторожило.

Он раскрыл папку и пробежал глазами по страницам.

— Вы впервые обратились ко мне полтора года назад. Жаловались на провалы в памяти, бессонницу, тревожность. Мы провели обследование — органических поражений нет. Я диагностировал диссоциативную амнезию на фоне посттравматического стрессового расстройства. Вы сказали, что примерно в то же время пережили тяжёлый развод, творческий кризис, смерть матери. Это было похоже на правду. Но сейчас, оглядываясь назад, я вижу, что многое в вашем тогдашнем состоянии не укладывалось в стандартную картину.

— Что именно?

— Во-первых, избирательность амнезии. Вы забывали одни события и прекрасно помнили другие. Обычно диссоциативная амнезия затрагивает определённые периоды или определённые типы воспоминаний — например, всё, что связано с травмой. У вас же провалы были хаотическими. Вы могли забыть, что ели на завтрак, но помнить содержание книги, прочитанной три года назад. Это нетипично.

— Во-вторых?

— Во-вторых, ваше состояние не ухудшалось. Оно было стабильным. Полтора года — и никакой динамики. При нормальном течении болезни амнезия либо прогрессирует, либо регрессирует. У вас же она как будто застыла. Как будто кто-то поддерживал её на одном уровне.

— Что вы хотите сказать?

Разумовский закрыл папку и посмотрел на Арсения долгим, тяжёлым взглядом.

— Я хочу сказать, что ваша амнезия может иметь не только психогенную, но и... внешнюю причину. Некоторые вещества способны вызывать избирательную потерю памяти. Особенно если применять их регулярно и в определённых дозировках.

— Вы намекаете, что меня травят?

— Я ни на что не намекаю. Я рассматриваю все возможные объяснения. Вы сказали, что секретарь каждое утро приносит вам чай. Зелёный чай, правильно заваренный.

Сердце Арсения ухнуло куда-то вниз.

— Да. Но я пью его только при нём. И после его ухода. И... да, иногда вечером допиваю остатки.

— Вы не замечали, что после этого чая провалы в памяти усиливаются? Что сны становятся ярче? Что вы чувствуете сонливость или, наоборот, возбуждение?

Арсений вспомнил. Вчера он выпил две чашки — одну утром при Максиме, другую днём, разогрев остывший чай. Вечером он нашёл в книге записку от самого себя. Ночью — написал новую, о которой не помнил. Сон с библиотекой был особенно детальным.

— Возможно, — прошептал он. — Возможно, есть связь.

— Тогда я бы рекомендовал вам провести простой эксперимент. — Разумовский достал из стола чистый бланк и начал писать. — Я выпишу направление на токсикологический анализ. Сдайте кровь и мочу. Если в организме есть посторонние вещества, мы это увидим. А до тех пор — не пейте этот чай. Ссылайтесь на диету, на гастрит, на что угодно. Но не пейте.

Он протянул направление. Арсений взял его дрожащей рукой.

— Спасибо, доктор.

— И ещё одно. — Разумовский понизил голос. — Если ваши подозрения насчёт секретаря подтвердятся... если он действительно причастен к происходящему... не пытайтесь разоблачить его в одиночку. Обратитесь в полицию. Это мо-

жет быть опасно.

— В полицию с чем? С историей про отравленный чай и убийство, которое я якобы совершил во сне?

— Хотя бы просто сообщите о подозрительном человеке в вашем доме. Попросите проверить его. У вас есть его фамилия?

— Нет. Только имя.

— Это плохо. — Доктор нахмурился. — Попробуйте выяснить фамилию. И адрес. Всё, что сможете. И будьте осторожны. Очень осторожны.

Арсений поднялся, сжимая в руке направление. У двери он обернулся.

— Доктор, вы говорили, что моя амнезия может иметь внешнюю причину. Но вы не упомянули ещё одну возможность. Самую страшную.

— Какую?

— Что я сам всё это делаю. Добровольно. Что ночной Арсений — это не жертва, а... соучастник. Или даже инициатор. Что я травлю сам себя, чтобы забыть то, что творю по ночам.

Разумовский долго смотрел на него, не отвечая. Потом снял очки и медленно произнёс:

— Эту возможность мы тоже не исключаем. Именно поэтому я прошу вас быть осторожным. Не только с секретарём, но и с самим собой.

Арсений покинул клинику в четверть двенадцатого. Дождь перестал, но небо оставалось низким и серым, как

старое одеяло. Он шёл пешком, не чувствуя холода. В голове крутились слова Разумовского — о токсикологии, о внешнем вмешательстве, об осторожности с самим собой.

Чай. Зелёный чай. Тот самый, что каждое утро приносил Максим. Правильно заваренный, с цветочным ароматом. Арсений вспомнил, как в первый день удивился, что секретарь угадал его пристрастие к этому напитку. Сейчас это не казалось угадыванием. Это была подготовка. Продуманная, тщательная.

Но если Максим что-то подмешивает в чай, то как объяснить провалы в памяти, начавшиеся за полтора года до его появления? Кто-то другой? Или чай — лишь часть сложной схемы, а главное воздействие оказывается иным способом?

Он вспомнил фотографию, найденную за шкафом. Человек с холодным взглядом и приклеенной улыбкой. Надпись на обороте: «Я и А. Двадцать первое июня. За день до...» За день до чего? Что произошло двадцать второго июня?

Арсений достал телефон и открыл календарь. Двадцать первое июня. Что было в этот день? Он пролистнул назад — на полтора года. Двадцать первое июня прошлого года. Пусто. Двадцать первое июня позапрошлого года. Пусто. Он не вносил события в календарь. Не доверял электронным записям — или просто забывал это делать.

Тогда он открыл поисковик и ввёл: «двадцать первое июня происшествия». Система выдала тысячи результатов. День летнего солнцестояния. Самый длинный день в году.

Праздники, фестивали, концерты. Ничего конкретного.

Он сузил запрос, добавив название своего города. Результатов стало меньше — местные новости, городские мероприятия. Арсений пролистывал страницу за страницей, пока не наткнулся на заметку полугодовой давности.

«Двадцать второго июня в реке под городским мостом было обнаружено тело мужчины. По предварительным данным, смерть наступила в результате утопления. Личность погибшего установлена — это Антон Сергеевич Карелин, тридцати восьми лет, сотрудник фармацевтической компании «Витафарм». Следствие рассматривает версию несчастного случая, однако не исключает и криминальный характер смерти».

Антон Карелин. Сотрудник «Витафарма». Компании, которой руководил Георгий Вельяминов.

Арсений замер посреди тротуара. Прохожие обтекали его с двух сторон, кто-то недовольно буркнул, но он не слышал. Перед глазами стояла фотография, найденная в коробке. «Я и А. Двадцать первое июня. За день до...» За день до убийства Антона Карелина. За день до того, как его тело нашли в реке.

Инициалы на обороте — «А». Антон.

Сон про чёрную воду. Мост. Тело, погружённое в реку.

Выходит, он знал Карелина. Они были вместе двадцать первого июня — за день до гибели этого человека. И он, Арсений, не помнил ни самого Карелина, ни того дня, ни того,

что случилось на мосту.

А теперь ещё и Вельяминов — бывший директор той же компании. И запонка с инициалами убитого в подвале Арсения.

Связь была. Тонкая, как паутина, но неразрывная. Некто связывал Арсения Ветрова с людьми из «Витафарма». И люди эти умирали.

Он сунул телефон в карман и быстрым шагом направился домой. Нужно было найти всё, что связано с компанией «Витафарм» и с Антоном Карелиным. Старые газеты, распечатки, заметки. Если он когда-то интересовался этой темой — должны были остаться следы.

Дома он первым делом прошёл в кабинет и включил ноутбук. Открыл историю браузера за последние полтора года. Она была девственно чистой — он регулярно удалял данные, ещё с тех пор как Вера упрекнула его в интернет-зависимости. Потом проверил почту. Спам, переписка с издателем, уведомления из банка. Ничего связанного с «Витафармом».

Тогда он снова спустился в подвал. На этот раз — целенаправленно, без страха. Спустился, зажёл керосиновый фонарь, который заметил в прошлый раз, и принялся методично обыскивать каждый угол.

Коробки он перебрал ещё вчера. Оставались полки с инструментами и старый шкаф в дальнем углу — про него Арсений в прошлый раз забыл. Шкаф был заперт на висячий замок. Ключа нигде не было. Пришлось взломать дверцу мон-

тировкой.

Внутри оказались не вещи, а документы. Папки с надписью «Витафарм». Стопка газетных вырезок. Фотографии. И тетрадь в клетку, исписанная мелким убористым почерком.

Арсений сел прямо на земляной пол, поставил фонарь рядом и начал читать.

Тетрадь оказалась чем-то вроде досье. На первых страницах — список сотрудников «Витафарма» с краткими характеристиками. Фамилии, должности, адреса, номера телефонов. Напротив некоторых — пометки красной ручкой. «Вельяминов Г. А.» — обведён дважды. Рядом приписка: «Знает всё. Основная цель». «Карелин А. С.» — зачёркнут. Приписка: «Устранён. Ненадёжен». Другие фамилии — некоторые зачёркнуты, некоторые подчёркнуты, некоторые обведены жёлтым маркером.

Дальше шли страницы с подробным описанием деятельности компании. Финансовые махинации, подкуп чиновников, сокрытие побочных эффектов нового препарата. Арсений читал, и профессиональная часть его сознания отмечала: это похоже на журналистское расследование. Автор явно владел материалом, умел анализировать, сопоставлять факты.

Кто автор? Он сам. Почерк не оставлял сомнений. Но он совершенно не помнил, чтобы писал это.

Он пролистал дальше. Страницы с описанием препарата. Название — что-то длинное, химическое, сокращённо «Ре-

тросан». Разработан «Витафармом» пять лет назад. Предназначен для лечения посттравматического стрессового расстройства. Действующее вещество воздействует на гиппокамп, избирательно блокируя консолидацию травматических воспоминаний. Проще говоря — препарат стирает память о пережитом ужасе.

Арсений похолодел. Стирает память.

Он продолжил читать. Испытания препарата выявили серьёзный побочный эффект: при длительном применении он вызывал генерализованную амнезию. Пациенты забывали не только травму, но и целые пласты жизни. Кроме того, «Ретросан» усиливал внушаемость. Человек, принимающий препарат, становился восприимчив к внешним командам, особенно отданным в состоянии сна или дремоты.

В досье приводились выдержки из отчётов об испытаниях. Фотографии пациентов — до и после. Их было человек двадцать. Все они страдали от провалов в памяти. Некоторые покончили с собой. Один попал в психиатрическую лечебницу. Двое исчезли.

Испытания проводились незаконно, на добровольцах, которым не сообщали о возможных последствиях. Когда информация просочилась наружу, компания свернула проект. Но, судя по записям в досье, отдельные экземпляры препарата остались. И кто-то продолжал их использовать.

Арсений перевернул страницу и увидел свою фамилию.

«Ветров А. Д. — писатель. Обратился в клинику Разумов-

ского с жалобами на потерю памяти. В анамнезе — творческий кризис, развод. Идеальный кандидат. Начат курс «Ретросана» (см. протокол от 15 марта). Результаты: через две недели — стабильная ретроградная амнезия, высокая внушаемость. Рекомендация: продолжать терапию, параллельно начать программирование».

Дата — полтора года назад. Пятнадцатое марта. За месяц до того, как он впервые переступил порог кабинета Разумовского.

Он не обратился к врачу. Его привели. Кто? Кто-то, кто имел доступ к препарату и знал о его свойствах. Кто-то, кому нужен был идеальный кандидат — человек с уже пошатнувшейся психикой, одинокий, внушаемый. Писатель, который не смог бы отличить реальность от вымысла.

Арсений перевернул страницу. Дальше шли протоколы. Сухие, как медицинские отчёты, но от их содержания кровь стыла в жилах.

«Сеанс первый. Пациент погружён в гипнотическое состояние. Введена установка: при получении ключевой фразы «чистый лист» пациент переходит в режим принятия команд. Проверка: команда «возьми ручку» выполнена. Команда «напиши своё имя наоборот» выполнена. Пациент не помнит о выполнении команд после пробуждения».

«Сеанс четвёртый. Введена установка: посещение объекта по адресу (см. приложение). Пациент выполняет команды, данные в состоянии гипноза. После пробуждения — ам-

незия на период выполнения команд. Рекомендация: увеличить дозировку для углубления контроля».

«Сеанс восьмой. Пациент проявляет признаки сопротивления. Подсознание пытается блокировать внушаемые команды. Рекомендация: комбинировать «Ретросан» с традиционными транквилизаторами для снижения волевого порога. Также рекомендовано создать «якорь» — предмет или запах, ассоциирующийся с состоянием подчинения».

Арсений читал, и ему казалось, что он сходит с ума. Это было его собственное досье. Протоколы экспериментов над ним. Кто-то полтора года вводил его в состояние гипноза, давал команды, которые он выполнял, а потом заставлял забывать. Превратил его в живую марионетку. Идеального исполнителя, который не оставляет следов, потому что сам не помнит о своих действиях.

«Чистый лист». Ключевая фраза, запускающая программу подчинения. Он вспомнил, как часто в последнее время думал о чистом листе — о пустом экране ноутбука, о незапятнанной бумаге, о возможности начать всё заново. Каждый раз эта мысль приносила странное успокоение, почти эйфорию. Теперь он знал почему. Это был триггер. Кодовый сигнал, отключающий его волю.

Последняя запись в тетради была сделана совсем недавно — судя по чернилам, несколько дней назад.

«Финальная стадия. Объект готов к выполнению основной задачи. Проведена серия тренировочных операций (см.

сводку). Побочный эффект — спонтанные воспоминания о совершённых действиях, прорывающиеся в форме сновидений. Рекомендация: ускорить реализацию. После выполнения основной задачи объект подлежит ликвидации во избежание разоблачения».

Ликвидации. Его собирались убить. После того как он выполнит «основную задачу» — что бы это ни значило.

Арсений закрыл тетрадь. Руки дрожали. Дыхание перехватывало. Он сидел на холодном земляном полу подвала, среди старых коробок и паутины, и пытался осознать прочитанное.

Кто-то использовал его. Превратил в оружие. В машину для убийства, которая не помнит своих преступлений. Антон Карелин, Георгий Вельяминов — это его рук дело. Его, Арсения Ветрова, писателя, тихого интеллигента, который мухи не мог обидеть. Но кто стоял за этим? Кто вёл досье? Кто проводил сеансы гипноза? Кто давал команды?

Максим? Но он появился только сейчас. А эксперименты начались полтора года назад. Значит, был кто-то ещё. Тот, кто начал эту программу. Тот, кому Максим, возможно, служит.

Арсений вспомнил фотографию. «Я и А.» — он и Антон Карелин. Двадцать первое июня. За день до смерти Карелина. Кто их фотографировал? Кто был третьим? Человек, который знал обоих. Который, возможно, работал вместе с ними. Или на них.

Он перебрал остальные документы из шкафа. Газетные вырезки — статьи о «Витафарме», о скандале с препаратом, о закрытии проекта. Фотографии — групповые снимки сотрудников компании на корпоративных мероприятиях. На одном из них он увидел себя. Арсений Ветров стоял среди людей в деловых костюмах и улыбался. Он выглядел моложе, увереннее. Рядом с ним стоял Антон Карелин — высокий блондин с располагающей улыбкой. А чуть поодаль — человек, чьё лицо показалось смутно знакомым.

Темноволосый. Резкие черты. Холодный взгляд.

Тот самый, с фотографии из конверта.

Арсений взгляделся в снимок. Лицо было частично в тени, но он мог бы поклясться, что где-то его видел. Причём совсем недавно. Но где?

Он собрал все документы, сложил в коробку и вынес из подвала. Поднялся в кабинет и разложил бумаги на столе. Теперь у него было достаточно материала, чтобы понять: он — орудие в руках неизвестного кукловода. Но по-прежнему не хватало главного — имени кукловода.

Максим? Вряд ли он главный. Скорее — надсмотрщик, приставленный следить за ходом программы. Тогда кто руководит им?

Арсений снова взял фотографию с корпоратива. Тёмный человек на заднем плане. Он достал лупу и принялся изучать лицо. Черты резкие, почти хищные. Нос с горбинкой. Тонкие губы. Глаза — тёмные, глубоко посаженные, с тяжёлым,

немигающим взглядом. На вид — лет сорок, может, больше.

Он перевернул снимок. На обороте было написано: «Ви-тафарм», ежегодная конференция, позапрошлый год».

И тут его осенило. Он полез в ящик стола, достал конверт с фотографией «Я и А.» и сравнил почерк на оборотах. Он совпадал. Обе надписи сделаны одним человеком. Тем, кто вёл досье. Тем, кто писал протоколы в тетради.

Арсений лихорадочно перебирал бумаги. Где-то должно быть указание на автора. Хотя что-то — подпись, инициалы, оттиск печати.

И нашёл. В самом низу коробки лежал конверт из плотной бумаги. На нём — штамп: «Клиника доктора Разумовского».

Внутри — история болезни. Его собственная, но не та, что хранилась в регистратуре. Эта была куда подробнее. И на титульном листе, под грифом «Для служебного пользования», стояла подпись лечащего врача.

Виктор Павлович Разумовский.

Арсений отшатнулся. Доктор. Его доктор. Человек, которому он доверял последние полтора года. Который только что выписал направление на токсикологический анализ. Который предупреждал об осторожности с Максимом.

Разумовский. Создатель «Ретросана»? Или один из тех, кто продолжал его применять? В любом случае, он был в курсе. Он вёл досье. Он ставил подпись под протоколами.

И сегодня он ждал Арсения в клинике. Ждал, чтобы узнать, как далеко зашло расследование. Чтобы успокоить.

Чтобы направить по ложному следу.

Арсений вспомнил слова доктора: «Не пытайтесь разоблачить его в одиночку. Обратитесь в полицию». Конечно. Он хотел, чтобы Арсений пошёл в полицию. С голословными обвинениями в адрес Максима. Без улик. Без доказательств. Полиция бы посмеялась над ним — или, хуже того, заинтересовалась бы им самим. В любом случае, он был бы нейтрализован.

Анализ на токсикологию? Разумовский сам выписал направление. В какой лаборатории будут делать анализ? Уж конечно, не в независимой. Скорее всего, результаты покажут то, что нужно доктору. Или он просто не даст им дойти — скажет, что всё чисто, что паранойя прогрессирует, что нужно увеличить дозировку успокоительного.

Арсений опустился в кресло. Теперь он знал правду. Или часть правды. Достаточную, чтобы понять: он в ловушке. Один против организации, у которой есть препарат, стирающий память, и целая сеть исполнителей.

Но у него было преимущество. Одно-единственное. Они не знали, что он знает. Разумовский думал, что успокоил его, направил по ложному следу. Максим, вероятно, тоже ничего не подозревал — иначе не стал бы играть с запонкой.

А ещё у него была ночная личность. Та самая, которая сопротивлялась гипнозу, оставляла записки, прятала улики. Которая, возможно, была единственным союзником Арсения в этой войне.

Он взял тетрадь с протоколами и перечитал запись о восьмом сеансе. «Пациент проявляет признаки сопротивления. Подсознание пытается блокировать внушаемые команды». Это было полгода назад. Значит, уже тогда его вторая личность начала борьбу. Она прятала воспоминания в сны. Оставляла подсказки. Пыталась достучаться до дневного сознания.

И сегодня ночью она снова оставила послание. «Не ходи к врачу — он уже ждёт тебя там». Арсений не послушался — и едва не попался. Хорошо, что Разумовский решил продолжить игру, а не форсировать события.

Теперь нужно было придумать план. Узнать, кто такой Максим. Выяснить, где хранится препарат. Найти доказательства, которые можно предъявить полиции. И главное — понять, что такое «основная задача», после выполнения которой его должны ликвидировать.

Время работало против него. Если верить протоколам, финальная стадия уже началась. Значит, основная задача — на подходе. Возможно, даже этой ночью.

Он взглянул на часы. Три пополудни. Максим придёт завтра в восемь. До тех пор нужно успеть как можно больше.

Арсений сел за ноутбук и начал искать информацию о Разумовском. Результаты были скудными. Выпускник медицинского института, ординатура по психиатрии, частная практика. Никаких упоминаний о работе в фармацевтике. Никакой связи с «Витафармом». Но это ничего не значило

— связи такого рода обычно не афишируют.

Потом он искал Максима. Снова без фамилии, но теперь — с привязкой к Разумовскому. Может, Максим тоже был пациентом? Или сотрудником клиники?

На сайте клиники имелся раздел «Наши специалисты». Арсений пролистал его в прошлый раз и не нашёл Максима. Теперь он смотрел внимательнее. Врачи, медсёстры, администраторы. Десять человек. И среди них — молодой человек в очках, с аккуратной стрижкой и вежливой полуулыбкой. Не Максим, но похож. Подпись под фото: «Кирилл Новиков, ассистент».

Максим — ассистент? Может, он работал под другим именем? Или это брат? Родственник?

Арсений сохранил фото и продолжил поиски. Он чувствовал, как постепенно, шаг за шагом, мозаика начинает складываться. Не хватало ещё нескольких кусочков, но основная картина уже проступала.

Разумовский был связан с «Витафармом». Он получил доступ к «Ретросану» — и использовал его для создания послушных исполнителей. Антон Карелин, видимо, узнал об этом и поплатился жизнью. Георгий Вельяминов, бывший директор компании, тоже что-то знал — и тоже был убит. Арсений стал следующим орудием. Но зачем? Какова конечная цель?

И тут его осенило. Он снова открыл газетные вырезки. Статья о скандале с «Ретросаном». Автор расследования —

журналист Антон Карелин. Тот самый Карелин, который потом утонул при загадочных обстоятельствах. Значит, он был не просто сотрудником — он был тем, кто вывел компанию на чистую воду. Кто знал о незаконных испытаниях.

Дальше — Вельяминов. Директор, который, вероятно, покрывал эти испытания. А потом, выйдя на пенсию, мог заговорить. Или начать шантажировать бывших коллег.

Их обоих убрали. Но оставались другие. Другие свидетели, другие участники. Список в тетради — там было ещё несколько фамилий, обведённых красным. Их тоже планировалось устранить. И Арсений был инструментом этого устранения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.